

УДК 94 (4)

Е.Б. Смилянская¹

Опыты российского управления «заморскими территориями»: к истории Архипелагского княжества Екатерины Великой

Российская империя; Греческий архипелаг; российский флот; Екатерина II; русско-турецкие войны.

При Екатерине II Россия впервые получила реальный шанс стать частью Средиземноморского мира, когда более 30 островов Эгейского моря приняли российское «подданство». В публикации исследуется специфический российский опыт создания на островах в 1770–1774 гг. «европейского порядка» – Сената и Синода, центральной и островных канцелярий, системы налогообложения, светской школы.

Отправляя в 1769–1770 гг. первые эскадры российского флота в Средиземное море, Екатерина II решала важную военно-стратегическую задачу нанести Османской империи удар с тыла, или, как она писала: совершить «диверсию в наичувствительнейшем месте». При осуществлении этой рискованной операции императрица рассчитывала на восстание греков Пелопоннеса, но поддерживая греков, как ограниченным военным присутствием, так и декларациями об особой миссии «россов» по освобождению поработанных «варварами» единоверцев, российская императрица строила стратегические планы приобретения порта для создания своей средиземноморской военной и торговой базы. Екатерина писала Орлову 8–9 января 1770 г.: «...тем самым вы много для передо предупели, если б доставили России в руки *порт в тамошнем море*, который стараться будем при мире удержать. Под видом же коммерции он всегда будет иметь сообщение с нужными народами во всем мире и тем, конечно, сила наша не умалится в тамошнем краю» [1, с. 529].

¹ Смилянская Елена Борисовна, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (РФ, Москва), д.и.н., esmilian@mail.ru.

Морейское поражение показало тщетность надежд на реализацию плана императрицы на материке, но после Чесменской победы, когда российский флот оказался хозяином вод Восточного Средиземноморья, стало возможным пойти значительно дальше даже самых смелых мечтаний Екатерины II. С января 1771 г. российское командование в Архипелаге стало получать от жителей островов Южной части Эгейского моря заявления о готовности отказаться от «подданства агарянского» и перейти в *подданство* российской императрицы. Архивные данные позволяют обоснованно заключить, что в течение 1771 г. российское подданство признали не 14 – 18 кикладских островов (как ранее считалось), а 31 остров Киклад, Спорад и Саронического залива (от Идры и Спеце на западе до Самоса на востоке).

Российские «подданные острова» – в своем большинстве небольшие, не имевшие ни турецких крепостей, ни значительного мусульманского населения, но находившиеся в расстоянии видимости один от другого от Балкан до Малой Азии, создали своего рода рубеж для надежного контроля за передвижениями всех турецких и европейских судов с юга на север Эгейского моря. Россия же получила (правда, только на 4 года до подписания Кючук-Кайнарджийского мира) свое настоящее «заморское владение», иногда именовавшееся «Архипелагским великим княжеством», а чаще просто «наши подданные острова».

Принятие в подданство островов привело командование Архипелагской экспедиции к эксперименту по созданию органов островного и центрального управления, обороны, налогообложения островов, к реформам в церковной сфере, открытию светской школы для греческих детей – словом, к тому, чем, по словам самих греков, «не только мы, но и прадеды наши никогда не пользовались»². Однако, прививая «освобожденным грекам» европейскую «цивилизованность», российские военные демонстрировали в отношениях с местными жителями патерналистский стиль, близкий тому, какой российские помещики выработали в отношениях с «неразумными» крестьянами. «Свободение» греков они тоже измеряли *российскими мерками*.

Эксперимент по созданию Архипелагского княжества уникален в российской имперской истории, он оказывается замечательным, но пока недооцененным в исторической литературе, свидетельством политической культуры тех, кому выпала участь принятия решений о создании новых «европейских» порядков на островах. Этим он даже более важен для истории политической мысли России никогда, как

² РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 22. Л. 207.

считается, не обременявшей себя заботами о «заморских колониях», нежели для многовековой истории Греческого Архипелага.

Строительство колониальных империй в XVIII в. – при множестве обсуждаемых исследователями исторических вариантов и своеобразии политических форм правления на новоприобретенных территориях – имеет общим осознание европейцами своей «цивилизаторской миссии» [6; 4; 7]. Архипелагские острова, казалось бы, не нуждались в подобных усилиях, они находились в центре «культурного котла» европейской цивилизации, но «ориентализация» греков поразила тех, кто шел освобождать поработенных единоверцев. Разочарованные тем, что не застали в Греции православных «ахейян», они писали, что острова находятся в отсталости, ввергнуты «в пучину невежества и бедствий». А потому, так же как и западные «просвещенные колонизаторы», российские военные рассматривали освоение «подданных островов» как исполнение *особой миссии* обучения «поработенных греков» тому, что считалось правильным, т.е. «европейским» образцом государственности. В Петербурге эта миссия виделась так: «Но, о науки отцы, поработенны греки! / Утешьтесь, паки вам златы начнутся веки. / Достигла и до вас щастливая чреда!» (В. Петров).

«Щастливой чредой» реформ 1771–1774 гг. на островах, оказавшихся в подданстве Екатерины II, греки обязаны адмиралу Г.А. Спиридову и его адъютанту П.М. Нестерову, а также вступившим на российскую службу греку А. Псаро и сербу И.В. Войновичу. Примечательно, что заботами обустройства своих «подданных островов» почти не занимались императрица и «главный над Архипелагом» А.Г. Орлов-Чесменский. Для последних данное приобретение, вероятно, представлялось малым и, по трезвому размышлению, обременительным. Зато всю жизнь служивший во флоте Г.А. Спиридов, не имевший политического опыта, оказался в Архипелаге в сложном положении, без точных и актуальных директив из Петербурга он должен был и планировать военные операции, и строить военную базу, и налаживать отношения с местным населением. Приведя в подданство острова, он сам не был уверен в том, что они могут быть сохранены за российской короной: адмирал допускал и то, что державы «выговорят» им независимость и «свободу», и то, что после ухода флота они будут возвращены туркам. Все это не могло не наложить отпечаток на рассуждения Спиридова, касающиеся политического строя Архипелагского княжества, хотя структура управления порой продумывалась им по-военному – четко и до мелочей.

Верховным органом островного объединения, по мысли Спиридова, должен был стать Сенат (впрочем, его создать до 1774 г. не успели). Спиридов писал, что в Сенат предстояло выбрать «депутатов или опекунов» от каждого острова «из способных и доброго состояния людей с согласия жителей или как расположено будет». Возглавлять заседания Сената следовало либо «архидуку», либо «выбранному от гражданства мещанину», которым острова должны были выплачивать «порядочное» жалование.

До организации Сената и даже до получения подтверждений о «подданстве» всех островов у создававшегося объединения появился свой «генеральный депутат» – им стал Антон Псаро и при нем была создана на Паросе в д. Ауза рядом с военным российским лагерем «главная канцелярия». Назначение Псаро стало ответом на просьбы островов дать «одного достойного и честного афицера, которой бы во всегдашнее время могл бы нам давать благопотребныя наставления и советы»³. Заседать в главной канцелярии, вести суд и решать текущие дела должны были вместе с «генеральным депутатом» избранные по одному от каждого острова помощники «генерального»⁴.

Реорганизация системы местного самоуправления на подданных архипелагских островах также велась по плану Спиридова, считавшего, что «выбранные и присяжные почтенные господа островские сенаторы или судьи» должны были образовать на каждом острове единообразные «гражданские канцелярии».

Всем этим главным и местным канцеляристам, а помимо них еще и судьям, и «вооруженным людям» самообороны островные жители (а на некоторых островах население не превышало нескольких сот человек!) были обязаны, по мысли российских реформаторов, *платить пристойное содержание*, «чтоб доволны были без взятков, и не делали б для интересов своих кому каких обид под наказаниями, но толко б думали и исполняли врученную им должность, и положенныя дела безволочитно» [3, с. 507]. Пожелание благое, но жители островов не спешили ему следовать. Просвещенное управление по российскому сценарию, как и весь дорогостоящий аппарат их «вольности», виделись им весьма обременительными и не везде реализуемыми.

Присягнувшие российской императрице острова даже при том, что урожаи на них собирались круглый год, были весьма небогаты, они готовы были выплачивать «десятинный сбор» (10 % налог, 3 % с торгового оборота жителей острова и 4 % с иностранцев [3, с. 175]) от

³ Там же. Д. 16. Л. 188–188 об.

⁴ Там же. Л. 85.

годовых доходов каждого хозяйства, но любые дополнительные обременения представляли угрозу хрупкому экономическому балансу на этих небольших засушливых и гористых клочках земли. Впрочем, императрица Екатерина, не заинтересовавшись (вероятно, из-за несбыточности) перспективами получения прибыли с островов, рассматривала сборы с Архипелага только в двух аспектах: как ущерб Османской империи (несобранные подати туркам) и как способ поддержки флота [2, с. 97]. Утвердившийся в западной историографии миф о том, что греки доверились российским «освободителям», а те разорили острова поборами, серьезных подтверждений не находит [8, р. 243–248; 9; 5, р. 541]. Сравнительные данные об османском налогообложении и о налогах, полученных с островов российскими военными, говорят скорее в пользу того, что с жителей островов Архипелагского княжества взимали начиная с 1771 г. только третью или даже четвертую часть того, что острова выплачивали туркам.

При строительстве островного государства командование Архипелагской экспедиции не ограничилось реформированием системы управления и налогообложения. Изменения коснулись и церковной сферы, когда в отношении с духовенством вмешался А.Г. Орлов, решивший выстроить «симфонию» отношений между властями светскими и духовными по российскому имперскому подобию и вывести православных иерархов «подданных островов», а также Афин и Пелопоннеса из подчинения Константинопольскому патриархату. Примечательно, что для А.Г. Орлова нарушить веками существовавшую иерархию не составило большого труда: иереи подданных островов недоумевали только относительно того, как будут строиться их отношения с *российским* Синодом – как равные или как подчиненные. Однако для ответа на этот вопрос история времени, кажется, не оставила.

Наконец, создание новой государственности Века Просвещения не обошлось и без учреждения светской школы для греческих детей, которая открылась на о. Наксос. А.Г. Орлов, вероятно, по желанию императрицы деятельно опекал школу, и у этого учреждения оказалась на удивление долгая жизнь. Хотя в Эгейском море школа просуществовала даже меньше, чем само «княжество», ее учеников забрали в Россию, где выпускники этой школы (преобразованной в Училище чужестранных единоверцев) смогли стать опорой для российского влияния в греческом мире.

Между тем, времени, которое было отведено историей для пребывания российского флота в Архипелаге, оказалось явно недостаточно ни для завершения строительства островного государства, ни

для выработки продуманной колонизационной стратегии, если вообще такая стратегия имела в планах российской императрицы и ее военных администраторов.

Рассылая свои приказы с борта российского военного корабля, адмирал Г.А. Спиридов, главный «радетель островов» и создатель «княжества», давал понять, что все *благоденствие* «подданных островов» зависело от императрицы и от «высоких наших графов Алексея Григорьевича и Федора Григорьевича Орловых милосердия, *непостижимаго проницания*, которых намерение привести своим мудрым расположением всех в сущее *спокойствие*»⁵. Благоденствия однако не воспоследовало, ради «спокойствия» своей материковой империи Екатерина II спешила закончить войну, для достижения мира она предпочла «отступить» от «подданных островов» в море Эгейском. Впрочем, на то у императрицы были свое «проницание» и резоны в Черном море.

1. Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI.
2. Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. кн. Н.А. Орловым // Сборник РИО. СПб., 1867. Т. I.
3. *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
4. *Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, 2010.
5. *Camariano-Cioran A.* La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs // *Revue des études sud-est européennes*. Bukarest, 1965. Т. III. № 3–4.
6. *Cooper F.* Colonialism in Question. Berkeley, 2005.
7. *Muthu S.* Enlightenment against Empire. Princeton, NJ, 2003.
8. *Κοντογιάννης Π.Ν.* Οι Έλληνες κατά τον πρώτον επί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768–1774. Αθήνα, 1903.
9. *Πασχάλη Δ.* Αι Κυκλάδες υπό τους Ρώσους (1770–1774). Μετ' ανέκδοτων έγγραφων // *Επετηρίς Εταιρείας Κυκλαδικών Μελετών*. 1961. №1.

⁵ Там же. Д. 121. Л. 94 об.